

## ОБРАЗ ПРЕПОДОБНОГО СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО В СКАЗАНИИ АВРААМИЯ

### ПАЛИЦЫНА ОБ ОСАДЕ ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВА МОНАСТЫРЯ.

В 1620 г. бывший келарь Троице-Сергиева монастыря Авраамий Палицын, будучи на Соловках, закончил свой большой литературный труд — «Историю в память предыдущим родом»<sup>1</sup>. Труд был посвящён событиям 1584-1618 гг., пережитым русским обществом в период от времени восшествия на царский престол Феодора Иоанновича до заключения русско-польского мира в селе Деулино недалеко от Троицкой обители. Представляя собой один из интереснейших обзоров Смутной эпохи, это произведение закономерно обрело популярность среди русских книжников и, соответственно, сохранилось в большом количестве списков (226) и нескольких вариантах. Значительное место в нём, а именно главы 7-57<sup>2</sup>, занимает повествование об осаде Троице-Сергиева монастыря объединённой армией Лжедмитрия II, или Тушинского вора, продолжавшейся 16 месяцев, с 23 сентября по ст. ст. 1608 г. до 22 января 1610 г., — *«Сказание, что содеяшися в дому Пресвятыя и Живоначальныя Троица и како заступлением Пресвятыя Богородица и за молитв великих чудотворцев Сергия и Никона избавлена бысть обитель сия от польских и литовских людей и русских изменников, того же келаря инока Авраамия Палицына»*<sup>3</sup>.

---

<sup>1</sup> Сказание об осаде Троицкого Сергиева монастыря от поляков и литвы; и о бывших потом в России мятежах, сочиненное онаго же Троицкого монастыря келарем Авраамием Палицыным. Изд. 2. М., 1822; Сказание Авраамия Палицына / Подгот. текста и коммент. О. А. Державиной и Е. В. Колосовой. Под. ред. Л. В. Черепнина. М.; Л., 1955 (*«История в память предыдущим родом, да незбвенна будут благодеяния Божия, иже показа нам Мати Слова Божия, от всей твари благословенная приснодевая Мария, и како совершии обещание свое к преподобному Сергию, еже рече, яко неотступна буду от обители твоя»*).

<sup>2</sup> По изданию: Сказание об осаде Троицкого Сергиева монастыря от поляков и литвы. М., 1822. С. 58-212.

<sup>3</sup> Сказание Авраамия Палицына об осаде Троице-Сергиева монастыря // БЛДР. Т. 14: Конец XVI — начало XVII века. СПб., 2006. С. 238-355. Далее текст памятника цитируется по этому изданию. В некоторых же случаях — по изданию 1822 г.

Уместно сразу оговориться: вопреки сложившейся трактовке означенное произведение вернее считать повествованием не об осаде, а именно об обороне монастыря сравнительно небольшим числом защитников (стрельцов, монахов, крестьян) от атак многотысячного войска во главе с польским гетманом Яном Сапегой. Действительно, опираясь на письменные и устные свидетельства, а также отчасти на собственные впечатления, Авраамий Палицын сообщает о разных эпизодах борьбы за монастырь. Но свои рассказы он объединяет в целое не на основе единства сюжета и действующих персонажей, а на основе единства темы и идейной задачи *«известити»* о заступничестве за обитель Пресвятой Богородицы, согласно обещанию, некогда данному Ею святому Сергию Радонежскому, а также о помощи Божией, ниспосылаемой монастырю во множестве чудотворений как по молитвам преподобных Сергия и Никона, так и через них лично.

Действительно, в период Смуты духовное значение Троицкого монастыря осознавалось в народе особенно ясно. Борьбу у его стен воспринимали как земное и надмирное столкновение добра и зла. И возможное падение обители, вероятно, должно было быть истолковано как исход Божественной благодати из Русской земли, — итог того, что и молитвы великого преподобного игумена оказались бессильными, и вековечное попечение Богоматери прекратилось, и Сам Господь, соответственно, явил безучастие к бедам православного народа. Поэтому, несомненно, религиозный смысл стояния за эту цитадель аскезы и молитвы в представлении многих москвитов — и её защитников, и сторонних наблюдателей — сопрягался с их конфессиональными и патриотическими интересами, с их усилиями оградить свою веру и своё отечество от бесцеремонного и безжалостного супостата.

Продемонстрировать данное тождество как раз и стремился Авраамий Палицын в своём сочинении.

Подтверждением того, что Господь по-прежнему заботится о монастыре и всей России, являются в «Сказании» рассказы о чудесах

вмешательства воли Божией в ход борьбы за обитель. В них автор стремился в деталях показать своим читателям, как небесная помощь ниспосылалась защитникам обители в самых трудных для них обстоятельствах. Явление таковой открывалось в видениях. Причём видений удостоивались и защитники монастыря, и осаждавшие. Первым в видениях подавалось поддержка, вторым — устрашение.

«Видение» в данном случае термин условный, поскольку в соответствующих эпизодах главное внимание рассказчика обращено не к визионеру и его состоянию, а к личности, таинственно представшей перед ним, явившейся ему во сне или наяву. Так что вернее было бы пользоваться здесь термином «явление».

В качестве главного действующего лица в подобных визионерских эпизодах «Сказания о Троицкой осаде» обычно выступает преподобный Сергей Радонежский, реже его ученик преподобный Никон, святитель Серапион Новгородский и др. В пределах текста произведения — от введения, в котором Авраамий сообщает о своих литературных задачах, до заключения в виде «благодарственного» слова «о всех чудотворениях», — великий основатель обители как таинственный соучастник боевых действий предстаёт многократно: трижды является пономарю Иринарху; дважды — архимандриту Иоасафу, а также (сначала явно, потом сновидно) войску казаков-изменников и казачьим атаманам одновременно; наконец по одному разу — гетману Сапеге с польско-литовскими начальниками, братии монастыря, двум галицким казакам из стана изменников, монастырскому оборонному гарнизону, и некоему больному насельнику обители (см. главы: «О явлении чудотворца Сергия и о приступе и о запалении пивного двора», «О явлении Сергия чудотворца архимандриту Иасафу», «О Иване Рязанце», «О стрельбах по граду ноябрю в 8 день», «О умножении во граде беззакония и неправды», «О утешении чудотворца явлением Илинарху», «О явлении чудотворца Сергия», «О том же свидетельство»). При этом образ святого очерчивается в произведении несколькими способами, если не принимать

здесь во внимание единственного случая скупой констатации самого факта явления, без каких-либо деталей и атрибуций: *«И тоя же ноци во сне явися преподобный чудотворец Сергей атаманом и многим казаком»*.

Самый распространённый, традиционный и тривиальный приём — это использование эпитетов, обычно устойчивых и потому лишённых яркой смысловой или эмоциональной силы: *«великаго чудотворца Сергия»*, *«преподобнаго отца нашего Сергия»*, *«святаго и блаженнаго отца нашего Сергия»*, *«преподобный Сергей чудотворец»*, *«святой чудотворец Сергей»*, *«преподобнаго и великаго аввы Сергия»*, *«Сергий чудотворец»*, *«дивнаго же в чудесех преподобнаго и богоноснаго отца нашего Сергия чудотворца»*. Собственно, это даже и не приём, поскольку употребление подобных эпитетов не мотивировано стремлением автора выявить в личности великого святого какие-то отличительные, характеристические черты, это просто дань литературному этикету, а также обычаю официального именования подвижников Церкви, дань никак не связанная с идейно-художественной спецификой литературного творчества. К этим простым, однозначным определениям иногда примыкают содержательно более сложные, развёрнутые определения, в которых уже кроется метафорическое указание на отдельные духовные свойства личности преподобного, например, на его постоянную попечительную и утешительную заботу о духовных чадах: *«благаго же и неизменнаго Владыки благий верный раб неотступно о душах промышляя, давшихся ему»* или *«утешаяй в скорбех великий чудотворец Сергей»*. Особенно важны в этом ряду эпитеты, квалифицирующие степень святости и чудодейственности преподобного Сергия: *«освященный верше»* и *«поновившему чудеса Еуфимиа Великого и Феодосиа»*.

Вкупе с эпитетами (структурно и семантически простыми и развернутыми) Авраамий применяет способ словесной характеристики внешности или действий преподобного Сергия: *«И виде (пономарь Иринарх — В. К.) святаго ходяща по граду и по службам, кропяща святою водою монастырская строения»*; *«видит (архимандрит Иоасаф Сергия. — В. К.)*

*...стояща против чудотворнаго образа Святыя Живоначальныя Троица и руце свои горе воздевши и молящися со слезами Святей Троице»; «Видешя бо (Иван Рязанец. — В. К.) около града по поясу ходящих дву старцов, брады седы, светозарны образом, яко быти им по образу и по подобию великим чудотворцом Сергию и Никону. Един же (т. е. Сергий. — В. К.) в руце имеяше кадильницу злату, а над кадильницею животворящий крест и кадяще обитель свою и ограждаше честным и животворящим крестом стены града...от лица же его неизреченный свет сияше, яко огонь паля»; «видешя (старцы монастыря — В. К.) Святого Сергия чудотворца, ходяща по монастырю и будяща братию»; «зрят (двое галицких казаков. — В. К.) чудотворца, на посох поникшиа лицом»; «зрят (защитники монастыря. — В. К.) противу себе борзо шествующа, иже на вратех от церкви святого чудотворца Сергия, старца святолепна и сединами совершена»; «позна (болящий инок. — В. К.) чудотворца по образу написанному на иконе».*

Все эти описания создают образ таинственно и неусыпно пребывающего в монастыре его небесного покровителя, своим участливым сопереживанием и молитвенным деланием ограждающего обитель и побуждающего братию на стояние против врага. В них, описаниях, ощущается духовная эмоция, сопряжённая с твёрдым упованием на действенное заступничество со стороны святого основателя обители. Это, если угодно, иконологические знаки, адресованные своей зримостью прямо читателю «Сказания».

Однако наиболее функциональными и изобразительными в плане формирования в сознании читателя представления о личности преподобного Сергия как мистического участника битвы за монастырь являются его речи, с которыми он, по воле Авраамия Палицына, обращается к визионерам в большинстве соответствующих эпизодов. Святой, например, то предупреждает и вселяет надежду: *«Скажи, брате, воеводам и ратным людям; се к пивному двору приступ будет зело тяжек, они же бы не ослабевали, но с надежею дерзали»* (первое обращение к пономарю

Иринарху); то побуждает к молитве, поучает и опять-таки обнадеживает: *«Брате, встань, се время пению и молитве час! Бдите и молитесь, да не внидете в напасть. Господь всесильный многих своих ради щедрот помилова вас и прочее время подаст вам, да в покаянии поживете»* (первое обращение к архимандриту Иоасафу); то клеймит, вопрошает с упрёком и говорит о тщете завоевательских усилий: *«О злодеи законопреступницы! Почто стекостесь разорити дом пресвятыя Троица, и в ней Божия церкви осквернити, и иночествующих и всех православных христиан погубити? Не даст вам жезла на жребий свой Господь!»* (речь к казачьим изменническим войскам); то жёстко устрашает и угрожает: *«Мольбу на вас злодеев сотворю Вышнему Царю, и вовеки осуждени будете мучиться в геонских муках»* (речь к гетману Сапеге и польско-литовским начальникам); то побуждает, ободряет, советует: *«Встань, не скорби, но в радости молитвы приноси, предстоит бо и молится Богу о обители и о вас Святая Пречистая Богородица и Приснодевая Мариа со аггельскими лики и со всеми святыми»* (второе обращение к архимандриту Иоасафу); то успокаивает и воодушевляет: *«Что трепещете? Аще и никто же от вас не останется, не имать предати Бог святого места сего, и не будет услышано во вразех, яко “пленихом обитель Пресвятыя Троица”. Мужайтесь, не ужасайтесь! Рцете же друг другу вси, яко нечисто живущи во святем месте сем погибнут. Не нечистыми Господь спасет место сие, но имени своего ради без оружия избавит!»* (речь к обороняющим монастырь); то заверяет и ободряет: *«Рцы братии и всем страждущим во осаде: почто унывают и ропщут на держащих скипетр? Аз неотступно молю Христа Бога моего. А о людех не скорбите, людей к вам царь Василий пришлет»* (вторая речь к пономарю Иринарху); то утешает, помогает и наставляет: *«Рцы братии и всем ратным людям: почто скорбят, что вести послати к Москве нельзя? Аз послах от себе к Москве в дом Пречистые Богородици и к Московским чудотворцем всем молебное торжество совершити трех учеников своих: Михеа, да Варфоломеа, да Наума, в третьем часу ноци. И воры и Литва*

*видеша их. И почто слуга не возвестил, еже слыша от врагов, что видеша их? К монастырю бо пришедше о том сказаши сами. Вы же шедше из града глаголите врагом: “Видесте вы старцов, почто не изымаете их? Се будет от них на вас победа, да и на Москве всему граду будет ведомо о них”»* (третья речь к пономарю Иринарху).

В рассмотренных случаях, как видно, преподобный Радонежский чудотворец своей волей, поступками и словами прямо воздействует на реальные обстоятельства и события. Он ведёт себя при этом как знающий, заботливый, строгий, предусмотрительный, требовательный хозяин и защитник. Потому его речи стилистически просты, а по содержанию предельно конкретны и деловиты, в них совсем нет словесных прикрас, отвлечённости и притчивости, нет ни намёка на какой-то сокровенный духовный смысл.

Особенно показателен в этом отношении рассказ о явлении святого некоему болящему насельнику Троицкого монастыря. Явление произошло сразу после того, как преподобный Сергей чудесным образом отправил своих учеников Михея, Варфоломея и Наума доставить в голодающую Москву хлеб из монастырских запасов. И они, будучи замечены осаждающими, тем не менее невредимо, как и подобает таинственным персонажам, миновали польско-литовскую стражу и выполнили данное им поручение. О чуде пошли разговоры, кто-то верил, кто-то нет. И вот однажды один немощный престарелый инок *«лежа на постели»* в монастырской больнице, тоже засомневался. *«Сиа же ему мыслящу, обратися к стене и се слышит больницу ту оттворишюся и топот ног идущу. Он же не обратися позрети, занеже мног вход и исход больным тогда в келии той; и мнози беднии от мирских чади ту же живуще. И слышит старец той кличуща его: “Обратися семо, да скажу ти нечто!” Старец же не обратися к нему и рече: “Скажи, брате, что есть; не могу убо превратитися; веси и сам, яко болен есмь”. Той же паки рече к нему: “Обратися! Что ленишися?” Старец же отрече: “Не хочу вредитися, поведай просто”. Мняше бо старец, яко*

*тоя же келии некто се глаголет ему; тем же и не хотяше зрети на нь. И премолчав предстояй начат поносити ему глаголя: “Что безумствуеши, старче? что непокорив еси? се ли иночество ти? или несть у Бога милости, еже подати здравие немощи твоей?” Старец же о поношении размышляше и в себе мысля: “Кто напрасньствует ми, кого же аз оскорбих?” И восхоте обратитися, и всею силою двигся, и се на ногу своею здрав ста. И позна чудотворца по образу написанному на иконе. Глагола же ему великий чудотворец Сергей: “Что сумнишися? Истинно послах учеников своих”. И старец, прост сый, и рече: “И на чем послал еси, государь наш?” Преподобный же отвеща: “Их же конюшей Афонасей Ощерин скудости ради корма трех слепых мерин в надолобы изгна вне монастыря, на тех послах. Повеждь же всем о сем: не толико ми гнушно смрад блуда согрешающих мирян, елико же инок небрегущих своего обещания. И под стенами града обители моя всех врагов пришедших потреблю, нечисто же во обители сей и двоемысленно живущих погублю и со осквернившимися управлю”. И се рек невидим бысть. Старец же разуме себе здрав и страхом многим одержим, и плакася до утрени о пререкании ко святому».*

Данный рассказ об исцелении и вразумлении воспроизводит внешне совершенно обыденную бытовую сцену, ход которой развивается на основе абсурдности, нелепости положения: немощный инок отказывается смотреть на своего собеседника, принимая его за подобного себе и не желая причинить себе неудобство; тот настойчиво требует от него обернуться и укаряет его в непослушании; больной всё-таки оборачивается, но не по благоговению перед своим ви-за-ви, а по гордости, обидевшись на якобы несправедливые слова; и тогда получает исцеление, но не по молитве и глубокой вере, а просто так, будто сюрприз, будто вдруг нашёл то, чего не искал; и поняв, кто перед ним стоит, старец совсем не удивляется, более того, даже говорит со своим гостем как-то по-свойски, чуть ли не запанибрата; да и цель явившего себя в такой обстановке преподобного, оказывается простейшей, — разъяснить, как именно отправил он в Москву своих учеников, насколько ему

противна монашеская неверность иноческим обетам и что с нечестивыми и лстивыми насельниками он поступит так же, как с врагами монастыря. Осуществив своё намерение, святой исчезает; исцелённый же монах вместо религиозного воодушевления и славословий всю ночь с плачем раскаивается в собственной строптивости.

Как можно видеть, и все другие рассказы о явлениях преподобного Сергия, помещённые Авраамием в «Сказании о Троицкой осаде» в общем построены так же, то есть — как сообщения об обычных и привычных фактах бытия, которые к тому же, мало связаны с религиозными переживаниями, хотя и имеют в виду божественное вмешательство в дела людские. Для героев и свидетелей этих эпизодов характерны простой облик, простая поступь, простые речи. Правильность такого вывода демонстрирует, например, глава *«О явлении чудотворца Сергия Польским и Литовским людям»*, читающаяся в «Истории» уже за пределами «Сказания», но сюжетно связанная с событиями обороны монастыря. Здесь воспроизводится свидетельство некоего дворянина Семена Языкова о суеверном восхищении поляков, стоявших в осаде под монастырскими стенами, силой обороняющихся людей. Подтверждая своё мнение, поляки будто бы сообщили ему, что однажды видели, как *«един мних ухватил нашу полуторную пицаль* (замечу, что такая пушка — обычно медная, в полторы сажени длиной, то есть около двух метров — могла быть очень тяжелой — В. К.) *и на раму свое возложил, в мур* (стену — В. К.) *у нас унесе. И се видевшие мы и с нами панове вельми дивияся и страхом одержими быия. Многа же и ина видения видехом и разумехом, яко мнихом поспешествует сила Божиа»*. По убеждению Авраамия, в данном свидетельстве речь шла именно о Сергии Радонежском. Но в таком случае теперь преподобный оказывается представленным читателям «Истории» чуть ли не как былинный герой, который только одной своей силой и удалостью наводит ужас на врагов. Уместно заметить, что при этом он остаётся и рачительным хозяином, ибо прибирает же к рукам нужное монастырю польское оружие.

Кстати, рассмотренные выше рассказы о явлениях Радонежского чудотворца в плане стилистики и поэтики более близки к народной повествовательной традиции, характерной, в частности, для бытовых сказок, и в этом отношении плохо согласуются с церковно-агиографическим нарративом, обычно свойственным литературе видений. Достаточно сравнить их, например, с визионерскими текстами, появившимися тогда же, в Смутное время, — с «Видением некоему мужу духовному», с «Повестью о видении иноку Варлааму в Великом Новгороде», с «Повестью о чудесном видении в Нижнем Новгороде», с «Повестью о видении во Владимире в 1611 году», с «Видениями Евфимия Чакольского 1611-1614 гг.». Все названные произведения отличаются сугубо церковной повествовательной природой и описывают события, происшедшие в контексте сугубо религиозных переживаний с молитвой и благоговением перед лицом Божественного откровения. Любопытно, что и в самой «Истории в память предыдущим родом», вне границ «Сказания об осаде Троицкого монастыря», содержатся подобные построения. Таковы главы: «О явлении чудотворца на Москве с хлеба», «О явлении Сергия чудотворца на Москве во осаде Галасунскому архиепископу Арсению» и «Чудо преподобнаго и богоноснаго отца нашего Сергия чудотворца о исцелевшем немом». Вот, например, как повествуется о явлении великого русского святого архиепископу Арсению Элассонскому, греку, который остался на Руси после учреждения патриаршества и какое-то время исполнял обязанности хранителя царских гробниц в Архангельском соборе Кремля: *«Тогда убо Галасунскому архиепископу Арсению бывшу во осаде в Кремле со окаанными Поляки и с Немцы и всеми потребами обнищавшу, — весь бо дом его Поляки и Немцы разграбиша и вся имениа его и запасы поимаия, — архиепископу же, голодом помирающу и уже живота отчаавшуся и отходную ему проговорившу, лежащу же ему в келии со едином старцом, келейником своим, является ему великий в чудесех Сергие; пришед х келии тихо, молитву сотвори. Архиепископ же от зельных немощи едва отвеща: “Аминь”. И абие входит в келию его преподобный Сергий, и*

*свет велий в келии возсия, и глагола ему святой: “Арсение! Се убо Господь Бог, молитв ради Всенепорочныя Владычица Богородица и великих ради святителей Петра и Алексея и Ионы и всех святых, — да и аз грешный с ними же ходатай бых, — завтра град Китай предает в руце христианом и врагов ваших вскоре всех низложит и из града извергнет”. Архиепископ же Арсений, очи свои возвед, и ясно видит близ одра его стояща великого чудотворца Сергия; и познав его и едва встав на ногу свою, поклонися ему. Он же невидим бысть от очю его. И свет он великий, явльшийся в келии его, разыдеся. Архиепископ же, в себе быв, ощути себе от болезни здрава и благодарив Бога до утрия».*

Самое поверхностное сравнение данного рассказа с рассказом о явлении Сергия Радонежского в больнице, рассмотренным выше, обнаруживает их полярное различие. Теперь уже реализуется модус традиционного агиографического повествования: преподобный предстаёт перед визионером с молитвой, в ореоле света и предрекая; визионер же благоговейно поклоняется ему и, получив исцеление, молитвенно благодарит его. Иное качество имеет также и сама словесная ткань рассказа. Действительно, во всех подобных эпизодах в «Истории в память предыдущим родом» последовательно используется церковнославянская, а не разговорная, лексика, усложнённый синтаксис и патетически напряжённая, а не обыденная, интонация. Соответственно, и поведение героев меняется: визионеры пребывают в состоянии молитвы, религиозного воодушевления и благоговения, святой же Сергий излучает сияние, насыщает, предсказывает, исцеляет; одни припада́ют к чаше Божественной милости и спасения, другой её подаёт. Да и сам автор — Авраамий Палицын — по этому поводу воспаряется в молитвенном восторге, восхваляет и проповедует *«о величии Божиим, како прослави и ныне прославляет угодника своего великого в чудесех»*. Но при этом цель писателя остаётся неизменной: как в сакраментальных эпизодах — средствами книжно-панегирической риторики, так и в будничных — с использованием средств сказовой,

разговорной стилистики, Авраамий всегда стремится показать, что преподобный Сергей Радонежский — истинный народный святой, неотступный защитник своей обители и всей Русской земли и что *«на всяком бо месте в бедах или в скорбех или в юзах в плене же, и в изгнаниих, и в кровопролитиих, и во всяких нужных теснотах и печалех и иже призовет с верою в помощь великого сего отца, той убо посрамлен никако же исходит и чаяния своего не погрешит. Овогда же и прежде прошения святой в печалех предваряет и нищущим его скор помощник обретается. Той убо друг присный Матери Слова Божия, не считая тогда и ныне всех нас питает»*.

Итак, формируя у читателя представление о преподобном Сергии Радонежском, Авраамий Палицын использует комплекс как семантически простых, так и метафорических эпитетов, влагает в его уста различные в идейно-стилистическом отношении речи, описывает его внешность и поступки и, наконец, характеризует разное восприятие его личности разными участниками борьбы за монастырь. Всё это позволило писателю создать объёмный образ святого, показать его, если позволительно так выразиться, в динамике стереоилюзии и стереофонии. А последнее особенно важно, ибо наглядно свидетельствует о начавшемся в русской литературе отходе от средневековой традиции плоскостной, одномерной и аперспективной изобразительности.